

УДК 316.61:343.2/7:341.9

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,
начальник организационно-научного и редакционно-
издательского отдела Сибирского юридического
института ФСКН России (г. Красноярск), кандидат
юридических наук, доцент

pavlushat@mail.r

Александр Сергеевич СЕРГИЕНКО,
начальник факультета подготовки научно-
педагогических кадров Сибирского юридического
института ФСКН России (г. Красноярск), кандидат
психологических наук

Al.S.Krsk@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ (В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ)

SOCIOCULTURAL SETTINGS AS DETERMINANTS OF A PERSON'S CRIMINAL BEHAVIOR (IN THE CONTEXT OF PENAL SYSTEM)

В статье дается интерпретация преступности в контексте интеракционистского подхода. На фоне динамики изменения показателей социального неблагополучия, включая проблему наркомании, проиллюстрировано влияние национальных социокультурных установок на особенности формирования российской пенитенциарной системы. Сделан вывод о том, что социокультурные установки как детерминанта личностного поведения являются более эффективными в сравнении с механизмом государственного правового воздействия.

The authors give interpretation of criminality in the context of interactionist approach. The article illustrates influence of national sociocultural settings on the Russian penitentiary system. The dynamics of social ill-being indicators, including drug addiction, are taken into account. The authors draw the conclusion that sociocultural settings, as determinants of a person's behavior, are more effective than the mechanism of state legal impact.

Ключевые слова: государственная идеология, девиантное поведение, криминальная субкультура, наказание, наркотизм, осужденный, правонарушитель, социальный контроль.

Keywords: state ideology, deviant behavior, criminal subculture, punishment, narcotism, convicted person, offender, social control.

Преступность – одна из проблем, с которой человечество сталкивается на протяжении всей своей истории. Меняется облик преступности, но неизменной остается ее негативная оценка как "болезни" общества. Отдельные преступления, фигурирующие в криминальных сводках, являются лишь внешней и не самой значительной стороной непростых отношений

элементов системы "общество – преступность". Современная криминология, социология и психология накопили достаточный аналитический и эмпирический багаж для того, чтобы внимательный исследователь пришел к пониманию необходимости вскрыть глубинные сущностные характеристики указанной системы, без чего невозможны ни результативное противодействие

преступности, ни построение эффективной модели исправления членов общества, образующих категорию "преступники".

Говоря о наличии преступности и потребностях противодействия ей, необходимо отметить, что в настоящее время наметился ряд противоречий между:

- активным стремлением государства оптимизировать уголовно-исполнительную систему, ее гармонизацией с европейскими системами и низкой эффективностью реального исправительного воздействия на осужденного;

- политикой государства, направленной на формирование здорового общества, и возрастающим числом социальных девиаций;

- осуждением преступного (девиантного) поведения обществом и государством и одновременной пропагандой "преступной романтики" и идеологии в СМИ. [11]

Указанные противоречия свидетельствуют об определенном диссонансе развития современного общества, выражающемся в неэффективности реализуемых государством "оздоровительных" социальных проектов и тревожной динамике изменения показателей маркеров социального неблагополучия, таких как наркомания, коррупция, общий уровень преступности и других.

Даже в ситуациях адресного корректирующего воздействия, например при реализации программ социальной реабилитации осужденных, их результат остается очень невысоким. Особенно это показано в случаях, когда речь идет о несовершеннолетних правонарушителях, и нельзя говорить о сформированной "преступной личности" и других сложностях, характерных при коррекционной работе со взрослыми людьми. Данное утверждение можно проиллюстрировать сведениями МВД России о преступлениях, совершенных в 2013-2014 гг. несовершеннолетними лицами на территории Красноярского края.

Так, в 2013 г. несовершеннолетними лицами были совершены 2318 преступлений, а в 2014 г. – 2338, из них повторно в 2013 г. – 756 преступлений, в 2014 г. – 1066. Представленные показатели указывают на рост числа преступлений.

В то же время нельзя не отметить, что количество лиц, совершивших эти преступления в 2013 г., составило 2177 человек, а в 2014 г. – 2029 человек. В том числе повторно в 2013 г. преступления совершили 635 несовершеннолетних преступников, а в 2014 г. их число составило 519 человек. Снижение данного показателя является положительным моментом, однако приходится констатировать, что по сравнению с предыдущим периодом в 2014 г. каждый несовершеннолетний правонарушитель успел совершить большее количество преступлений до того момента, когда его деятельность была пресечена.

Примерно каждый третий подросток, совершивший преступление, предпочел не менять свою жизненную стратегию, хотя ранее уже был наказан за проступки и к нему применялись принудительные меры воспитательного воздействия, направленные на трансформацию ценностных ориентаций, определяющих девиантный (отклоняющийся от социальных норм) характер его поведения. Такие данные не могут не вызывать тревогу.

Затрагивая проблему регуляции общественной жизни, то есть социального контроля, было бы неверным говорить только лишь о правовом поле. Первый известный нам письменный свод законов был создан в Месопотамии царем Хаммурапи, однако несравнимо более древней является этическая регуляционная система, имевшая изначально религиозную, а позднее и светскую природу. В связи с этим можно привести мнение Я.И. Гилинского, который отмечает, что "социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике, превенции) нежелательных форм поведения. Контроль над преступностью – один из видов социального контроля. Поскольку преступность

издавна воспринималась как самая опасная форма девиации, средства воздействия на лиц, признанных преступниками, всегда применялись самые жесткие (жестокие)" [2]. По мнению данного автора, есть два подхода в социальных науках: объективистский, согласно которому социальные феномены и соответствующие социальные проблемы – преступность, наркотизм, проституция, коррупция и др. – существуют объективно, и интеракционистский, с позиций которого социальные проблемы конструируются обществом – властью, общественным мнением, средствами массовой информации. [16]

Смешая акцент рассмотрения феномена преступного поведения из юридической плоскости в социально-психологическую, Я. И. Гишинский называет его "девиантностью" в том смысле, что такое поведение является отклоняющимся от социокультурных норм конкретного общества в определенный момент времени.

Согласно современной девиантологии и криминологии ведущие позиции следует отдать именно социальному аспекту детерминации девиантного поведения. Такое мнение находит поддержку в работах многих западных ученых. Германские криминологи Хесс и Шеерер (Hess H., Scheerer S.) отмечают, что преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторически изменчивый характер, которая почти полностью конструируется контролирующими институтами, устанавливающими нормы и приписывающими поступкам определенные значения. [16]

Отказ понимать преступление как онтологическую данность низводит данный феномен из категории объективных явлений, существующих самостоятельно и независимо от наблюдателя, и делает его конструктом исключительно социальным.

Попытки представить преступное поведение вне общества со свойственной ему (обществу) нравственной, религиозной, юридической или иной системой координат, разделяющей социальное пространство подобно шахматной доске на "белые" и "черные" клетки, на "можно" и "нельзя",

скорее всего, не будут иметь успеха. Мир биологический, природный лишен понятия "преступность", но человечество в ходе своего развития давно покинуло биосферную нишу и не может полагаться в организации своей активности на ее управляющие функции. Принимая на себя управляющую функцию, каждое общество тем самым создает собственную социальную реальность, наполненную уникальным содержанием.

Поскольку каждая "новая, специфическая для человека структура психических процессов первоначально и необходимо складывается в его внешней деятельности и лишь впоследствии может "перейти внутрь", стать структурой его внутренних процессов" [15, с. 132], посредством отдельных социальных институтов, общество продуцирует собственное отражение в отдельных своих представителях, наделяя их своими идеалами, заражая своими "болезнями". Подобно тому, как смысл символа существует только внутри определенного контекста, человек, в его адекватном понимании, существует только внутри определенного общества.

Соответственно, поведение человека (в самом широком смысле), соответствующее общественным устоям и моральным принципам, является социально приемлемым и одобряемым. В случае отклонения поведения от указанных норм оно признается девиантным или преступным, а личность, его инициировавшая, подвергается осуждению и репрессиям.

Такой механизм формирования и дальнейшего регулирования личностного поведения является в высшей степени эффективным при условии соответствия идеологических основ официальной государственной политики истинным идеалам и ожиданиям общества.

Применительно к российской действительности не без сожаления приходится констатировать огромный разрыв между официальной государственной идеологией, отраженной в том числе и в официальном правовом порядке, и устоявшейся совокупностью социокультурных установок современного общества. Данный разрыв и по-

пытки к его сокращению показательно иллюстрирует функционирование российской пенитенциарной системы.

Так, выступая частью общества, осужденные во многом обладают схожей с основной массой граждан реакцией на воздействие различных правовых институтов. [14, с. 105-106] Однако проявление определенных различий связано с деформацией правовой надстройки социокультурного массива, который, в свою очередь, незыблем и "коренится" как в коллективном, так и личностном бессознательном. Это индивидуальное приобретение, состоящее из того жизненного опыта и ментальных образов, которые впоследствии остались за пределами сферы его сознания по причине объективного выхолащивания, но все же оставили свои следы.

В культурологическом смысле в среде осужденных происходит закрепление социального опыта и культурных ценностей. Более того, с учетом того обстоятельства, что по состоянию на 1 марта 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержались 673818 человек [8], можно предположить широкую интеграцию лиц, отбывших уголовные наказания, в общество, что продолжает создавать социокультурные стереотипы о пенитенциарной среде. Происходит объективная интервенция этих стереотипов в иерархическую систему нравственных и общественно-правовых ценностей. Они выступают посылом для детерминации индивидуального своеобразия личности осужденного, прежде всего ценностных ориентаций, определяющего организацию его собственной жизни, в том числе его постпенитенциарного стиля общественной активности.

Правовые стереотипы, то есть закрепившиеся установки в отношении юридических норм, являются частью социокультурных, поэтому механизм их формирования в сущности идентичен: для одного субъекта, который подвергся правовому воздействию в жесткой репрессивно-ка-

рательной форме, соответствующий образ императивно-властного воздействия становится более приоритетным, чем для другого, – образ "великодушного" государства, в котором используется компромисс и идея гуманизма в противодействии преступности (амнистии, широкое применение условного и условно-досрочного освобождения и т.п.).

В правосознании первого субъекта, зачастую пострадавшего и от государственного произвола по отношению к нему и не получившего правовой помощи, категория "справедливость" будет превалировать над ценностью закона. Постепенно системность таких явлений приводит к социокультурному цементированию рассмотренной модели превалирования в общественном и индивидуальном сознании.

"Большинство арестантов искренне раскаиваются в содеянном и строят воздушные замки на благих намерениях, но на свободе берутся за старое, и слезы их, как правило, – суть крокодиловы. Но есть весьма убежденные в своём будущем. Не раз слышалось на общаке: "Работать я все равно не буду!" Не работать по жизни – первый шаг в сторону воровского хода. Впрочем, после российской тюрьмы любому работать не захочешь, и ещё долго будет хотеться стать зрителем маяка где-нибудь на краю земли" [10].

Стремление официальной власти (как рациональное, так и исторически обусловленное) к гармонизации российской правовой системы с имеющими место социокультурными стереотипами привело к появлению характерных черт, отличных, например, от европейских, которые накладывали свой отпечаток на особенности системы исполнения уголовных наказаний. К таким чертам можно отнести следующие: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование по европейскому образцу¹ (как результат – превалирование "отрядно-ко-

¹ Не случайно о тюремном заключении в Великом княжестве Литовском упоминается Судебником Казимира IV Ягеллона ("Лист") 1468 года, тогда как в России – только Судебником 1550 года (в данном случае сравниваются правовые акты, имеющие общегосударственное значение).

лонийской" модели размещения осужденных в местах лишения свободы); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не инструментом гражданского общества как в западноевропейских странах (как результат – традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как "государство", "общество" и "личность", тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга – в отличие от их автономности и самостоятельности в западноевропейской модели (как результат – отсутствие частных тюрем, формирование криминальной субкультуры в местах отбывания уголовных наказаний).

В связи с этим актуальным остается неудавшийся опыт создания в России пенитенциарной системы европейского типа в XIX веке. Н.В. Тищенко отмечает: "Выдвинутая Локком формула "жизнь, свободы и имущество", составляющая основу либеральных социальных конструкций, в условиях отечественной действительности оказалась невостребованной. В России уваровская триада "самодержавие, православие, народность" заслонила приоритеты европейского либерализма" [13, с. 24].

Среди факторов, приведших к провалу пенитенциарных реформ в России, данный автор справедливо указывает следующие: 1) приоритеты государственной власти в России расходились со стратегическими целями европейской пенитенциарной системы; 2) влияние юридической, правовой культуры носило спорадический характер и было ограничено религиозной православной культурой, которая крайне осторожно относилась к идеям рационализации и индивидуализации; 3) принцип неприкосновенности частной собственности оказался невостребованным в русском обществе ни на уровне законодательной риторики, ни на уровне общественного сознания. [13, с. 24]

Культурно-исторические особенности общественно-государственного развития демонстрируют дисгармонию между типом власти и законодательства – с одной сто-

роны, общинности и экономического уклада, с другой, показывают известный разрыв между государственностью и народностью, способствуют социокультурной отчужденности личности.

Общинность, создавая определенный запас прочности социального устройства, приводит и к его инертности: "Все хотят быть хорошими, но только все вместе и с понедельника. «Понедельник» может сильно варьироваться: от «сперва построим коммунизм» до «сперва поправлю дела»" [12].

Вместе с тем существующий правовой порядок может морально устаревать, тем самым затормаживая прогрессивное развитие общества и государства. Однако здесь следует учитывать, что поведение человека находится в причинно-следственной связи с обыденно-нормальным состоянием его правового сознания. Наличие в обществе значительного юридического материала, обусловленного конвейерным использованием законодательного станка, не гарантирует формирования искомого правосознания, так как оно «не сводится к одному "знанию", но включает в себя все основные функции душевной жизни: и прежде всего – волю, и притом именно духовно воспитанную волю, а затем – и чувство, и воображение, и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души» [5, с. 90].

Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Гуляихина: "Во многом противоречивость национального характера русского народа вызвана дихотомическим характером архетипов его культурного бессознательного, являющихся, с одной стороны, исторической «памятью» этноса, своеобразным опытом, полученным в ходе этногенеза, с другой – детерминантами, непосредственно воздействующими на ход современного развития политических и правовых процессов российского общества" [3, с. 36]. Безусловно, что и уголовное наказание имеет тесную связь с культурой, её различными модальностями и последствиями трансформации, по сути, не имеющей локального действия, но "вплетенной" в об-

щевивилизационную материю её существования. Уголовное наказание как наиболее "заметное" проявление культуры находится в весьма чувствительной связи с социокультурными ценностями общества, поэтому содержание наказания не может отражать лишь одну систему правовых идеалов и социокультурных стереотипов.

Важной проблемой здесь выступает, с одной стороны, наличие идеи гуманизации условий исполнения уголовных наказаний как результат влияния западных шаблонов. Изучение общественного мнения показывает, что научная общественность и население достаточно настороженно относятся к гуманизации и смягчению условий отбывания наказания. Например, М.П. Клейменов, исследуя роль криминальной среды в исправительных учреждениях, высказывает критическое отношение к тенденции "всеобщей и постоянной" гуманизации в местах лишения свободы. [6, с. 8]

С другой стороны, в общественном сознании особое место занимает идея справедливости, выступающая системой амортизации при побочном эффекте принудительного воздействия государственной власти. Реализация данной идеи на уровне общественного и индивидуального сознания выражается в аллегории-презумпции "от сумы и от тюрьмы не зарекайся", которая несет в себе инертный заряд нивелирования преступного (девиантного) поведения гражданина и способствует формированию восприятия криминальной среды как атрибута общественной культурной жизни.

Можно привести мнение Н.В. Кофырина о том, что "именно несоответствие официальных законов естественным законам поведения людей есть причина преступности! Именно насаждаемые официальные законы есть то зло, которое считает неестественным закономерные проявления неблагодарности. Несовершенство официальных законов вызвано не столько несовершенством законодателей, сколько той системой отношений между людьми, которую хотят "узаконить" с помощью нормативных актов и принуждения. Появление уголов-

ного закона, призванного "защитить" общество от нарушителей, вызвано не фактом наличия нарушителей, а следствием неестественной системы отношений между людьми, устанавливаемой государством" [7].

Ещё в 1764 г. Чезаре Беккариа пришел к схожим выводам: "Нельзя надеяться на существенное улучшение морали, если политика, проводимая в нравственной сфере, не опирается на вечные чувства, присущие человеческой природе. И любой закон, идущий вразрез с этими чувствами, неизбежно столкнется с противодействием, которое в конце концов окажется сильнее" [1, с. 70].

Криминальная среда "заражает" общество своей эстетикой, нормами поведения и, что хуже всего, своими моральными нормами. Интерес граждан к преступному миру наглядно отражает огромное количество материалов соответствующей тематики, размещенных на телеканалах, в печатных изданиях и сети Интернет. Даже беглое знакомство с ними позволяет выявить общий лейтмотив подачи материала: "понятия, жизнь по понятиям весьма актуальна в среде молодых людей <...> По количеству писем от молодежи, просьбах растолковать понятия, разрулить правильно ситуацию, дать оценку, могу сказать, что это одна из основных тем" [9]. Это мнение "знатока" уголовных порядков В. Лозовского, но более показательны опубликованные письма, содержащие примерно следующее изложение проблем: "С юных лет я проникся блатной романтикой и по сей день стараюсь жить по-людски. Я с симпатией отношусь ко всему правильному воровскому... В то же время я не являюсь представителем криминального мира. Живу как многие – семья, бизнес... Я выступил в суде. Правильно ли я поступил?" [9]. В приведенных цитатах очевидна подмена общечеловеческих гуманных ценностей извращенными нормами криминальной среды.

Нужно отметить, что такая "симпатия" вовсе не порождение XXI века. Уже на первых страницах "Записок из мертвого дома" Ф.М. Достоевского мы встречаем: "В сибирских городах часто встречаются учи-

теля из ссыльных поселенцев; ими не брезгают" [4, с. 4].

Несомненно, криминальная субкультура – это крайняя форма деформированных общественных культурных норм, возникшая отчасти как результат неприятия существующей государственной идеологии, отчасти как вариант "стокгольмского синдрома", отчасти по каким-то иным причинам.

Социальный контроль, инициированный государством, но не опирающийся на социокультурные установки общества, не сможет эффективно выполнять функцию профилактики личностного девиантного поведения, акцентируясь преимущественно на карательных функциях. Социокультурные стереотипы, независимо от их соответствия официальным правовым нормам, яв-

ляются базисом формирования личности. Это демонстрирует необходимость преодоления существующего диссонанса правовой системы и социокультурных установок современного российского общества, выявления тех "зон" социализации, в которых происходит сбой.

Таким образом, представляется, при выборе форм регулирования социальной активности более действенным механизмом выступает социальное регулирование, основывающееся на общественных установках и культурно-нравственных образцах поведения, нежели использование механизмов правового воздействия, в основе которых лежит модель государственно-волевого характера.

Библиографический список

1. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария. – М.: Стелс, 1995.
2. Гишинский, Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гишинский. – URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/981>.
3. Гуляихин, В.Н. Архетипы правосознания как детерминанты правового поведения человека / В.Н. Гуляихин // Вопросы правоведения. – 2014. – № 3.
4. Достоевский, Ф.М. Записки из мертвого дома / Ф.М. Достоевский. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1983.
5. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Собрание сочинений : в 4 т. – М., 1994. – Т. 4.
6. Клейменов, М.П. Влияние лидеров криминальной среды на криминологическую ситуацию в местах лишения свободы / М.П. Клейменов // Права осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и международные стандарты исполнения наказания : материалы научно-практического семинара / отв. за вып. А.А. Урусов. – Омск: Омская академия МВД России, 2006.
7. Кофырин, Н.В. Почему преступность неискоренима? / Н.В. Кофырин. – URL: <http://ru-lawyers.livejournal.com/285685.html>.
8. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. – URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>.
9. Лозовский, В. Всё о жизни в тюрьме / В. Лозовский. – URL: <http://tyurem.net>.
10. Павлов, А. Должно было быть не так / А. Павлов. – URL: http://www.libok.net/writer/8595/kniga/31424/pavlov_aleksey/doljno_byilo_byit_ne_tak_-_1_doljno_byilo_byit_ne_tak/read.

11. Пристанская, О.В. Информационные предпосылки криминализации общественного сознания / О.В. Пристанская, А.В. Клочкова // Закон (интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья). – URL: <http://law.vl.ru>.

12. Силаев, А.Ю. Граждане на виду / А.Ю. Силаев. – URL: <http://metasilaev.livejournal.com/122485.html>.

13. Тищенко, Н.В. Представления о пенитенциарной системе и осужденных в отечественной культуре / Н.В. Тищенко // Юрист-Правоведъ. – 2010. – № 2.

14. Тепляшин, П.В. Форма размещения и содержания осужденных к лишению свободы как фактор их исправления и нивелирования аддиктивного поведения / П.В. Тепляшин, А.С. Сергиенко // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – № 1.

15. Шабельников, В.К. Функциональная психология (формирование психологических систем) : учебное пособие для вузов по направлению и специальностям психологии / В.К. Шабельников. – М.: Академический проект, 2004.

16. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/819>.